

Маран из Ленинграда

Где-то в начале пятидесятых годов гражданка Красная вступила в единоборство с товарищем Сталиным. Товарищ Сталин об этом не знал. Гражданка была из тех русских людей, которые любили евреев, даже носатых, даже работавших в торговле, даже с дачами.

Сама Красная жила в полуподвале с видом на ноги проходящих. Даже справедливое осуждение еврея – ведь случается и такое – вызывало в сердце гражданки Красной глубокое возмущение. Она считала, что после того, что произошло, судить евреев вообще нельзя. Ни за что! Они пострадали навсегда.

Генералиссимус придерживался другого мнения.

Красная хотела выделить евреев в касту неприкасаемых – она плохо разбиралась в этнических проблемах индийского общества – она была паспортисткой – и неприкосновенные были для неё святыми. Любой еврей был для неё святой. Даже с дачей...

Гражданка Красная была последовательницей дочери фараона Марнепта Второго. Купаясь в Ниле в древние времена, дочь нашла в корзине, в тростнике, младенца Моисея – и спасла еврейский народ.

Красная была дочерью пастуха, никогда не видела Нила, купалась в общественной бане в Щербаковском переулке, ела капусту с картошкой в мундире – и спасала евреев.

Паспортистка Красная спасала еврейский народ от генералиссимуса Сталина.

В последний год своей жизни генералиссимус, будучи выдающимся специалистом в национальном вопросе, задумал решить еврейский вопрос – в Сибири началось широкое строительство барачных, и не в чем стало перевозить скот – все вагоны были отобраны для транспортировки евреев, что вызвало очередную волну антисемитизма.

– Опять все евреям, – говорила на коммунальной кухне необъятная Настя.

Коммунальные кухни великого города были недовольны евреями.

Короче, генералиссимус решил уничтожить еврейский народ, паспортистка – спасти...

Мне исполнилось шестнадцать лет. Я должен был получить паспорт. Первым пунктом в паспорте была фамилия, пятым – национальность. Я был евреем.

Гражданка Красная решила записать меня русским. Это был её метод. Во время блокады в разорённой квартире профессора Лурье она нашла изодранную книгу с вырванными страницами. Она читала эту книгу по ночам, и горькие слёзы лились в полуподвале – книга была про испанских евреев, про их изгнание. Из этой книги гражданка Красная извлекла одно – чтобы спастись, еврею надо было сменить религию. Стать мараном.

Паспортистка Красная не могла менять религию – трудно менять то, что было отменено. Она меняла национальность и пекла „маранов”. По Куйбышевскому району Ленинграда бегало уже семь свежеепеченных маранов-евреев, записанных русским, узбеком, украинцем, казаком и даже чехословаком.

Она не знала, что нет такой нации – она знала, что чехословаков сегодня не убивают...

День, когда она создавала нового марана, был для неё праздником. Она надевала лучшее платье – трофейный костюмчик из Эберсвальде, оренбургский платок, янтарные бусы и душилась самыми популярными в те годы духами „Красная Москва”.

Когда сослуживцы интересовались, что это сегодня за праздник, она скромно отвечала: „День рождения”. Чей – она не уточняла...

Ничего этого я не знал. Я шёл за паспортом по набережной Фонтанки. Был ноябрь, падал мокрый снег, кони на Аничковом мосту погрустнели. Люди скользили и падали, из булочной несло хлебом, инвалид просил на пиво.

Я шёл за паспортом, легко и беззаботно, ничуть не задумываясь, надо ли становиться гражданином этой страны, нужна ли она еврею и нужны ли евреи ей.

Я был в возрасте, когда думы светлы, как тополь в сентябре... В конторе было натоплено, на полу таял нанесённый валенками снег, пахло сосисками.

Я вошёл в комнату – за столом сидела огромная женщина в оренбургском платке, с янтарным ожерельем вокруг крупной шеи, волосы её были русые, зачёсанные назад, в клубок. Запах „Красной Москвы” кружил голову. Она сурово посмотрела на меня.

– Почему ты так долго не приходил за паспортом?

– Было много уроков, – соврал я.

– Держи, – она протянула мне зелёную книжицу. Оттуда глядела моя фотография, изуродованная фотографом. Но вздрогнул я не от этого — в графе национальность стояло „русский”.

– Простите, – сказал я, – я – еврей.

– Иди, иди, – подтолкнула она, – у меня много работы.

– Я еврей, – повторил я, – а здесь написано „русский”. Вы ошиблись.

– Я лучше знаю, кто ты, – ответила она и открыла дверь, – следующий!

Я захлопнул двери:

– Исправьте, – сказал я. – Пока вы не исправите – я не уйду!

Я сел. Она тоже. Мы смотрели друг на друга.

– Ну, какой ты еврей? – наконец произнесла она, – языка своего ты не знаешь, истории не знаешь, религии не нюхал – одно слово, что еврей. Вот скажи, к примеру, кто такие мараны?

Я не знал.

– А хочешь записаться евреем, – сказала она, – держи паспорт и давай домой!

Я сидел, не вставая.

– Тебе хочется в Сибирь, – сказала она, – с твоими лёгкими?

– Исправьте, – повторил я, – мне надо готовить математику.

– Чтобы считать вагоны?!

– Какие вагоны? – не понял я.

– Которые вас уже ждут! Или ты о них ничего не слышал?

Я слышал об этих вагонах, они должны были отвезти нас в снега, в мороз...

– Я не запишусь русским, – ответил я.

– Почему? Ты их не любишь?

– Я их люблю, – ответил я.

– Чего же ты упрямишься?

– Я – еврей, – повторил я.

– Козёл ты, – сказала она, – не хочешь русским – могу записать татариним, грузиним. Грузины – чудесная нация, не антисемиты. Никогда не преследовали евреев. Поют „Сулико”.

Она затянула песню.

– Запишите меня евреем, – повторил я.

Она встала.

– Разговор окончен, – она хлопнула ящиком стола, – евреем я тебя не запишу.

– Вы антисемитка? – спросил я.

Она дала мне легкую затрещину:

– Паспорт берёшь, козёл?

– Нет, – я покачал головой.

– Тогда давай его сюда, – она взяла паспорт и спрятала его в стол, – скажи, чтоб зашли родители...

Когда я вышел из конторы, было уже темно – были почти самые короткие дни – валил снег, забивал глаза, буксовали троллейбусы... До сих пор я не понимаю, почему я хотел записаться евреем. Моим языком был русский, героями – русские – Наташа, Онегин, Пугачёв, никакой другой литературы, кроме русской, я не знал и не обожал. Я спорил по-русски, плакал по-русски и по-русски признавался в любви. Я любил русских девочек, русские песни и русский мат. Ничего еврейского я не знал. Я не знал ничего о красавице Эстер, о прекрасной Юдифи, я не знал, что есть героини-еврейки, что были братья Маккавеи и сын звезды – Бар-Кохба, и восстание в гетто Варшавы. Слово Иордан ничего не вызывало во мне. Мне нравилось, когда говорили, что я вылитый русский, что у меня глаза Есенина, что у меня широкая русская душа – потому что какой ширины еврейская душа – я не знал.

Дружил я с русскими, вместе с ними бегал по крышам, играл в деньги и был чрезвычайно горд, когда Колюня, вор районного значения, – мне сказал: „Я тебе, как русскому, признаюсь – мы вчера столовку ограбили...”.

Я не хотел знать, кто я! Не хотел слышать! Имя Абрам вызывало хохот, Сарра – стыд, и я гордился своим прямым носом, именем Пётр и чистым произношением буквы „р”...

И хотел записаться евреем!!!

Это было чистое упрямство, голое упрямство горного козла...

– Вы так думаете, – сказал мне много лет спустя рабби Гершель из Цфата, – это Тора, Тора вас вела.

– Я не знал Торы, рабби.

– Вы ошибаетесь, друг мой. Вы её прекрасно знали.

– Рабби, – поклялся я, – за всю свою жизнь я не прочёл и строчки Торы.

– А чем вы занимались до рождения?

– До рождения, ребе?!!

Гершель покачал головой. Он был красив. Предки его писали „Каббалу”.

– Зародыш, – сказал ребе, – в чреве матери напоминает книгу, прекрасную книгу. Он ест, что ест его мать, пьёт, что пьёт его мать. Над его головой свет, он смотрит и видит весь мир. Нет более счастливых дней для человека, чем дни в чреве матери его – он изучает Тору. И когда он готов покинуть чрево – является Ангел, ударяет его и заставляет забыть Тору, всю Тору. Что, по-вашему, означает эта выемка? – и дотронулся до ложбинки на верхней губе, – что, по-вашему, это означает? Это знак, друг мой, знак, оставленный ангелом...

Солнце садилось, и Гершель пошёл в синагогу...

Но тогда я этого не знал, ничего не знал, я ещё не вкусил от древа познания – я был счастливым человеком. И упрямым. Не знаю, всосал ли я с молоком матери Тору, но упрямство – наверняка.

...Дома была мама. Она пекла пирожки с капустой. По случаю паспорта. Она пекла и что-то напевала.

– Ну, где наш новый паспорт? – спросила она.

– В ЖАКТе, – ответил я.

– Как это?!

– Я не взял его. Меня там записали русским.

– Ну и что? Это же счастье! – вскричала мама, – надо было хватать и бежать!

– Я не возьму его, – повторил я.

Моя умная мама всё поняла. Она села на табурет и положила руки на колени. Пирожки подгорали на чёрной сковороде.

– В этой стране, – сказала мама, – можно прожить без мяса, без ванны, без воздуха, но не без паспорта. Прошу тебя – не разрывай моё сердце, пойдёшь за ним.

– Нет, – ответил я, – я останусь дома и буду есть пирожки.

– Благодарю Б-га, что тебя записали русским, – сказала она.

– Почему, мама?

– Почему? Да потому, что, если бы твой папа был русским, он бы не торчал на вонючем заводе. Он бы, с его головой, был бы профессором, директором или членом-корреспондентом! Если бы твой папа не был евреем – он бы был академиком, с его головой, его портрет висел бы на Невском, он бы был в энциклопедии, твой папа, с его головой.

– Я не хочу в энциклопедию, – сказал я.

– Я вижу, – сказала мама, – ты хочешь в Сибирь. Ты хочешь, чтоб тебе всю жизнь совали палки в колёса! Куда ты уедешь на таком велосипеде? Посмотри, куда приехали мы – комната у туалета, окно на свалку, папа, пропахший гудроном. Ты хочешь туда же?!

Я намазал булку маслом, посыпал сверху сахарком и начал жевать.

– Возьми Шапиро, – продолжала мама, – двое детей! Беллочка записана белорусской, Абраша – украинцем! У Рабиновичей все дети казахи. Альперовичи – латыши. Мулька Шмек, сын раввина – калмык. И все довольны, все были согласны! Почему ты упираешься?!

– Не знаю, – ответил я.

– Подумай, – сказала мама, – ты сможешь поступить в университет. На филологический. На философский. В Институт международных отношений. Будешь послом. В Индии, в Малайе. Я знаю? Станешь русским дипломатом!

– Я хочу быть дипломатом-евреем, – ответил я.

Мама тяжело вздохнула.

– Почему люди хотят совместить несовместимое, – произнесла она. Лёгкий дымок тянулся от пирожков...

Потом приёел папа. Он снял потертое кожаное пальто.

– Он не хочет становиться русским, – выпалила мама.

Папа сел на диван и закурил свой „Беломор”.

– Ты слышишь, он хочет быть евреем.

Мороз затягивал окно. Папа курил и слушал рассказ мамы. Он улыбнулся, папа. Я тогда не понимал, чему он улыбался, мой папа, который мог быть в энциклопедии.

– Чему ты улыбаешься, хохэм? – спросила мама.

– Я делаю то, что пока не запрещено, – ответил он.

Мама махнула рукой и пошла подогреть вчерашний борщ.

– Я не настаиваю, чтобы ты записался русским, – сказал папа, – или узбеком, или калмыком. Потому что я не уверен, что если все евреи запишутся калмыками – не начнут преследовать калмыков. Я просто размышляю. Я просто думаю, что если бы твоя мама не была еврейкой, она бы не преподавала идиотам черчение, а с её головой стала бы Софьей Ковалевской, или мадам Кюри, или Голдой Меир, с её головой. Но я тебе ничего не говорю, ничего. Я тебе не говорю, что мой родной брат – армянин, а сестричка – литовка, и если бы наши родители это узнали – они бы умерли вторично...

Потом папа достал новую папиросу, долго чиркал спичкой, обжёг палец и задымил.

- Ты знаешь, почему Б-г не пустил Моисея в Ханаан? – спросил он.
- Нет, – сказал я, – не знаю.
- Потому что Моисей, великий Моисей, однажды, в своей юности, не признался, что он еврей.

Вошла мама с горячей кастрюлей.

– Чему ты учишь ребёнка? – сказала она, – вечно болтаешь глупости! Ешь борщ! – Затем она повернулась ко мне, – а ты, завтра, с утра, пойдёшь и заберёшь паспорт. Я прошу тебя, будь русским, мне будет легче.

- Нет, – сказал я, – я хочу в Ханаан.

Слёзы падали из маминых глаз прямо в горячий борщ.

- Что ты молчишь, хохэм, – повторяла она папе, – что ты молчишь?..

Паспорт я получил. В пятом пункте стояло то, что хотел я.

– Сходи к психиатру, – посоветовала гражданка Красная, вручая его. – Доктор Блох, тоже, кстати, азербайджанец...

Она перестала разговаривать с папой, считая, что во всём виноват он.

- Ему мало, что он сам еврей, – ворчала она, – такого хлопца губят...

В те дни она работала много, гражданка Красная. Она засиживалась ночами. Куда-то торопилась. Тучи сгущались над Ленинградом. Евреев вышвыривали с работы, к врачам-евреям не обращались. В школах, на переменах, евреям устраивали обломы:

- Это вам за то, что вы хотели отравить Сталина.

На нашей коммунальной кухне необъятная Настя часами повествовала о вагонах, где они стоят, какие они и как в них будут перевозить.

– По двести еврейчиков на вагон, – деловито докладывала она и с аппетитом посматривала в сторону нашей комнаты. – Диван я передвину к окну, – мечтала она.

Люди мечтали на коммунальных кухнях великого города. В воздухе пахло весной и погромом. И пришёл день, когда гражданку Красную попросили составить списки всех евреев её микрорайона.

- Для отправки в санаторий, – уточнил майор Киселев.

Гражданка Красная принялась за работу: она старательно печатала на высоком „Ундервуде” имена, отчества и фамилии. И адреса. Мелькали там и Поварской, и Стремянная, и Кузнечный. И, прекрасный Невский промелькнул. Машинка стучала, стучала. К утру списки были готовы.

- Кто бы мог подумать, что у нас столько еврейчиков? – пропел майор Киселев.
- Медлить не стоит, – сказала гражданка Красная, – а то многие из этих подонков могут улизнуть.
- Об этом не беспокойтесь, гражданка Красная, – успокоил майор...

Первой арестовали её – гражданка Красная составила подробные списки всех стукачей, мародёров, грабивших квартиры во время войны, и просто рядовых антисемитов микрорайона. Списки были беспощадны – за единожды произнесённую безобидную „жидовскую морду” вас уже включали в список.

Её посадили в районную кутузку. Допрашивал сам майор Киселев. Он был беспощаден – в списках он шёл пятым. Была вскрыта незаконная деятельность гражданки Красной по производству маранов.

Все эти казахи, латыши и прочие были пойманы и переведены вновь в лоно иудаизма. Неизвестно, куда б сослали и саму гражданку Красную, если бы внезапно не сдох человек, фигурировавший в списке Красной под фамилией Джугашвили.

Её выпустили и даже не выкинули из ЖАКТа, разрешив работать «без права допуска к документам, имеющим графу „национальность”».

Жизнь для неё потеряла всякий смысл. Из глаз её ушёл свет, янтарные бусы валялись на подоконнике, „Красную Москву” она отдала дворовому алкоголику Борису.

Вскоре она умерла. На её похоронах были одни евреи. Они установили ей памятник. На сером камне написано: „Гражданке Красной от маранов Ленинграда”...

Лев и Александр ШАРГОРОДСКИЕ.

*Маран – Марра́ны – так христианское население Испании и Португалии называло евреев, принявших христианство и их потомков, независимо от степени добровольности обращения (конец XIV–XV вв.).